

Ответы на опросник Спецдокладчика ООН по вопросам антимусульманской ненависти и дискриминации

Равенства и недискриминации

Вопрос b) Просьба представить информацию о национальных законах (включая соответствующие нормы международного права, применяемые на национальном уровне), политике и практике, которые защищают от дискриминации в отношении мусульман или реагируют на нее. Как вы обеспечиваете, чтобы программа дерадикализации, меры по борьбе с терроризмом и/или предотвращению экстремизма или законодательные акты не были направлены против какой-либо конкретной религиозной или этнической группы, включая мусульман?

Ответ: Конституция Кыргызской Республики, Закон Кыргызской Республики «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике», «О противодействии экстремистской деятельности».

Органы прокуратуры осуществляют надзор за деятельностью соответствующих правоохранительных органов для предотвращения каких-либо дискриминационных проявлений в реализации антиэкстремистской деятельности. Более того, в государстве имеется ряд правозащитных организаций, НПО и международных институтов, которые также наблюдают за антиэкстремистской деятельностью в стране.

Вопрос c) Просьба представить информацию о конкретных пробелах и проблемах, связанных с ликвидацией дискриминации в отношении мусульман. Есть ли в последнее время примеры, когда государство вносило поправки или отменяло законодательство в целях борьбы с дискриминацией в отношении мусульман? Гарантируют ли законы вашей страны равные права, независимо от религии или убеждений, в плане доступа к образованию, здравоохранению, жилью и занятости?

Ответ: Государство полностью гарантирует равные права представителей всех религий и нацменьшинств.

Вопрос e) Как государство защищает мусульман в потенциально уязвимых ситуациях, таких как (i) беженцы и мигранты (ii) дети (iii) девочки, женщины и ЛГБТ+ лица (iv) инвалиды (v) члены признанных и непризнанных мусульманских сект меньшинств, мусульмане, считающиеся светскими, или мусульмане, обратившиеся в другие религии или ставшие атеистами, и (v) мусульмане в контексте пандемии COVID-19.

Ответ: Защита всех религиозных групп, верующих, в том числе законодательные и судебные органы Кыргызской Республики имеет равный доступ вне зависимости от пола, расы, языка, наличия инвалидности, этнической принадлежности, вероисповедания, политических или иных убеждений, происхождения, имущественного или иного положения.

Вопрос h) Онлайн-ненавистническая речь: Отслеживает ли государство и расследует ли случаи антимусульманской ненависти и дискриминации в интернете, включая действия и тактику преступников

(например, использование ботов, доксинга, дезинформации)? Какими данными располагает государство о том, как онлайн-ненависть, притеснения и политические манипуляции влияют на мусульман? Есть ли у государства договоренности с частными субъектами (например, компаниями социальных сетей) о доступе к их данным о распространенности или воздействии антимусульманской ненависти и дискриминации в интернете на тех, кто подвергается нападкам?

Ответ: В Кыргызстане до сих пор не разработана Концепция о взаимодействии государственных органов и социальных сетей по обеспечению информационной безопасности.

Вопрос и) Подстрекательство к ненависти или насилию: Каким образом запрещение подстрекательства к национальной, расовой или религиозной ненависти в международном праве прав человека инкорпорируется во внутреннее законодательство? Существуют ли в законодательстве конкретные правонарушения, связанные с преступлениями антимусульманской ненависти? Предусматриваются ли законами усиленные меры наказания за преступления, совершенные с антимусульманской мотивировкой? Есть ли закон о «такфиризме»?

Ответ: Основные принципы международного права в области предупреждения ненависти, вражды и дискриминации, а также соблюдение прав человека есть в национальном законодательстве. В Конституции КР предусмотрены нормы непосредственно запрещающие любые формы дискриминации, ненависти и религиозной вражды. Уголовное законодательство также устанавливает наказание за религиозную вражду и ненависти. Специального законодательства о «такфиризме» не имеется, данный термин используется исключительно в экспертном сообществе.

Вопрос j) Противодействие насильственному экстремизму: Основаны ли государственные стратегии и практика предупреждения/противодействия насильственному экстремизму на праве прав человека? Как государство определяет понятие «насильственный экстремизм»? Оценивается ли воздействие мер по ограничению прав на женщин и этнические и религиозные группы?

Ответ: Государственная политика противодействия экстремизму основана на принципах соблюдения прав человека. Это обусловлено тем, что на основе любого религиозно-экстремистского явления лежат определенные религиозные взгляды, идеи и чувства верующих. Во многих случаях речь идет о рядовых сторонниках экстремистских групп, которые получают искаженные данные и используются для экстремистских целей.

Закон КР «О противодействии экстремистской деятельности» не определяет понятие «насильственный экстремизм». Насильственный экстремизм оценивается как противоправные проявления экстремизма, в том числе терроризм.

В антиэкстремистском законодательстве или иных НПА религиозный экстремизм рассмотрен без конкретного выделения их религиозной

особенности. В отчетности расследования преступлений также не указывается религиозный экстремизм, даже в качестве мотива преступлений.

Государственная практика поощрения терпимости и взаимопонимания, в том числе с частными и государственными субъектами

Вопрос а) Подготовка кадров / повышение осведомленности: Какую подготовку по вопросам антимусульманской ненависти и дискриминации государство предоставляет (i) милиции (ii) силам безопасности (iii) судебным органам (iv) учителям и (v) местным религиозным деятелям для поддержки их роли в качестве ключевых субъектов в предотвращении подстрекательства к ненависти или насилию? Какую форму принимает это обучение?

Ответ: Подготовка государственных служащих по вопросам предупреждения религиозной ненависти и дискриминации не проводится, не имеются определенных системных программ по анализу и изучению ненависти в обществе. В этой связи у нас отсутствует представление о проблемах религиозной дискриминации или мы ошибочно рассматриваем эту проблему. В целях предотвращения радикализма, экстремизма и терроризма считается очень важными систематические курсы, лекции в образовательных учреждениях, государственных органах.

При этом требуется разработка таких курсов с учетом нынешних реалий в этих общественных отношениях.

Вопрос б) Устранение барьеров: Как государство использует государственные должности для устранения барьеров между религиозными или религиозными общинами и содействия созданию инклюзивного общества? Как такая политика и практика включают гражданское общество и, в частности, мусульман в эти инициативы? Есть ли у государства какие-либо инициативы (в том числе законодательные) по противодействию стигматизации и негативным стереотипам мусульман, и разжиганию религиозной ненависти (т.е. содействие обмену информацией и ресурсами о «Стамбульском процессе» и осуществлении резолюции 16/18 СПЧ, межконфессиональные диалоги) и /или содействие межконфессиональной терпимости, взаимопониманию и общественному обсуждению?

Ответ: В нашем обществе не имеются барьеров между религиозными общинами и в реализации определенных инициатив, религиозная принадлежность тех или иных групп особой роли не имеет.

Вопрос с) Борьба с экстремизмом: Определило ли государство, подвержены ли слои его населения риску радикализации со стороны экстремистских группировок? Какая информация имеется о методах и механизмах вербовки этих групп в качестве мишеней для отчужденной молодежи? Является ли экстремизм в политической системе проблемой для государства?

Ответ: Угроза религиозного экстремизма определена во многих документах, НПА, в том числе законе по противодействию экстремизму, концепции национальной безопасности и т.д.

Сегодня экстремизм использует уже радикализованная молодежь. У подросткового поколения и молодежи сформируется протестное поведение, и элементы радикализма в силу имеющихся проблем в сфере образования, в религиозных и социально-экономических отношениях и т.д. Определяющим средством распространения радикализма становится СМИ, в частности интернет.

Вопрос d) **Средства массовой информации:** Требуется ли государство от частных или государственных средств массовой информации наличия профессиональной этики и/или кодексов прессы, которые санкционируют антимусульманские стереотипы, ненависть и дискриминацию? Существуют ли политика и нормативные акты, способствующие плюрализму и разнообразию средств массовой информации (включая онлайн-формы) и способствующие равному, универсальному и недискриминационному доступу к средствам коммуникации и их использованию?

Ответ: Остается проблематичным вопрос информационной безопасности в сфере передачи информации об экстремизме, религиозных отношениях. Отсутствие чувства ответственности субъектов передачи информации и экспертного сообщества или их пассивность приводит к негативным последствиям. Многие информационные ресурсы распространяя информацию не обращают внимание или относятся безразлично на ее содержание и в конечном итоге они сами становятся пособниками передачи подрывной информации.

Вопрос e) **Онлайновые платформы:** Каким образом устаревшая система создает среду для открытых активных дебатов и диалога, в том числе через свободный и открытый интернет, в соответствии с правами на свободу мысли, совести и религии или убеждений, свободу мнений и их свободное выражение, а также недискриминацию? Как государство взаимодействует с компаниями социальных сетей для решения проблемы онлайн-притеснений мусульман и координации ответных усилий? Регулирует ли государство деятельность хостинговых компаний, размещающих ненавистный или оскорбительный контент? Налагает ли государство ответственность за веб-хостинги, которые размещают ненавистный или оскорбительный контент?

Ответ: Несмотря на тот факт, что интернет является основным средством распространения экстремизма, у нас не имеется специальное законодательство по урегулированию данного вопроса. Из-за того, что многие основные Интернет провайдеры находятся за рубежом, меры пресечения или предупреждения онлайн экстремизма остаются неэффективными.

Местные провайдеры пытаются уйти от ответственности утверждая, что они на содержание контента не имеют отношения. Хотя в Законе Кыргызской Республики «О противодействии экстремизму» четко указано, что любая поддержка экстремизму, в том числе оказание технической услуги также считается экстремизмом. Однако соответствующие государственные органы не принимают меры в отношении них или ограничиваются предостережением.